

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ВЫРОЖДЕНИЕ ТОВАРНОЙ СТОИМОСТИ

В.С. Гриценко

Характеризуя постиндустриальное общество как поздний капитализм, современные марксисты: Э. Мандель, А. Негри, Н. Дайер-Визефорд, Ш. Сэйерс, В.В. Орлов и другие – по сути, связывают его с последней стадией перехода от капитализма к социализму. В этом аспекте они противостоят основным разработчикам теорий постиндустриального общества. Если постиндустриалисты, к примеру, Р. Хейлбронер, указывают на снижение напряженности классового конфликта между элитой традиционного индустриального капитализма и возникающими элементами иерархически неорганизованной постиндустриальной структуры, то марксисты скорее согласятся с Э. Тоффлером в том, что Третья индустриальная революция ускоряет «всеобщий кризис индустриализма» и порождает новый тип общества [подробнее см.: 3].

Классик постиндустриализма Д. Белл выделяет в работах Маркса *два «построения» (сценария)* перехода, ни один из которых, по его мнению, не осуществился в действительности. «В «Капитале»... К. Маркс начертил основную схему социального развития: структура нового общества, заметил он, а именно обобществленная организация производства, находится полностью готовой во чреве старого; она отражает усиливающееся противоречие между обобществленным характером промышленности и «закованным в кандалы способом производства», созданным «монополией капитала»; происходит поляризация социума, уменьшается число магнатов капитала, и неуклонно возрастает численность пролетариата; характер нового общества становится несовместимым с капиталистической формой старого, в конце концов «его оболочка разлетается на куски», и наступает эпоха социализма. Метафора является биологической, процесс выглядит имманентным, траектория развития – односторонней.

И события, конечно, не развернулись подобным образом» [1, с. 72 – 73]. Мы согласимся с Беллом лишь отчасти. Если принять во внимание «самую вопиющую экономическую проблему нашего времени» [13, с. 1] – колоссальный рост неравенства в мировом масштабе – «первый сценарий» Маркса перестает выглядеть столь нереальным. Концентрация капитала также возросла до невероятных размеров. «Сегодня насчитывается 35 тысяч транснациональных корпораций, но правит бал какая-нибудь сотня их, а то и того меньше. По оценкам журнала «Экономист», 5 крупнейших ТНК контролируют более половины мирового производства товаров длительного пользования, самолетов, электронного оборудования, автомобилей и другой продукции. Шесть промышленных гигантов обеспечивают три четверти добываемой в мире нефти и 95% железной руды. Особенно значительна степень концентрации в отраслях, связанных с информационными технологиями. Например, 2 – 3 компании практически контролируют международную сеть телекоммуникаций» [11, с. 13].

Белл утверждает, что основным для Марксова анализа является допущение «чистой формы», анализ, построенный на модели «чистого капитализма». Однако как показано Орловым, Белл абсолютизирует прием идеализации, применяемый Марксом в первом томе (товары продаются по стоимости и др.). Эти допущения «касаются не общей трактовки Марксом путей перехода от капитализма к социализму, а лишь первого тома, во втором и в третьем томах эти упрощения снимаются. Поэтому утверждение Белла... основано на явном игнорировании действительной логики построения «Капитала» [6, с. 199].

«Второй сценарий» связан, по Беллу, с появлением «нового» среднего класса управляющих, «белых воротничков» из числа рабочих. К тому времени, как Маркс начал писать третий том «Капитала», в обществе произошли три крупные структурные изменения: 1) С ростом банковской системы накопление капитала стало зависеть от накоплений общества в целом. 2) Революционный переворот, вызванный появлением корпораций, в

результате чего произошло отделение собственности от менеджмента, что повлекло за собой возникновение в обществе новой профессиональной категории («рабочей силы по управлению»). 3) Расширение банковской и кредитной системы, а также развитие корпораций привело к увеличению численности вспомогательного персонала и объема работы для «белых воротничков». По мнению Белла, Маркс не смог правильно оценить новые тенденции капитализма и остался верен своей позиции, что капитализм должен потерпеть крах вследствие заложенных внутри системы *экономических* противоречий. В связи с этим Орлов замечает, что Белл довольно поверхностно изложил Марксову концепцию перехода от капитализма к социализму, и предлагает рассмотреть *третий, основной, сценарий*.

Как показано, объяснительные и предсказательные возможности теории постиндустриального общества определяются уровнем анализа основного источника развития общества – труда – в ней представленного [см.: 6]. Рассматривая современное общество как совокупность новых тенденций, а труд как профессию, постиндустриалисты не воспользовались фундаментальными понятиями конкретного и абстрактного труда, открытыми Марксом. Они также обошли вниманием явления стоимости, товара, собственности, без которых анализ остается простой регистрацией феноменов. Но поскольку указанные явления *объективно* лежат в основе экономических закономерностей и общественного прогресса в целом, они явно «просвечивают» сквозь подмеченные постиндустриалистами черты нового общества.

Линия Марксова анализа идет от категорий конкретного и абстрактного труда, потребительной и меновой стоимости к открытию им процесса превращения законов товарного производства в законы капиталистического присвоения. В частности, закон обмена учитывает только количественную сторону сделки – меновые стоимости, отрывая их от качественной стороны –

потребительных стоимостей. Зарождающийся таким образом закон неэквивалентного обмена в полной мере проявил себя только сегодня.

Наиболее ярко отрыв стоимости от потребительной стоимости выражается в опасной тенденции *обособления и даже отрыва финансовой сферы от производства*. Невиданный масштаб глобализации этой сферы в условиях «хрупкости и бесконтрольности мировых механизмов регулирования экономики» порождает возможность сокрушительного кризиса современного капитализма, который может стать его концом [см.: 8].

Глубокий смысл «кембриджского уравнения» А. Пигу отражает отношение совокупности всех денежных единиц, находящихся в обращении, к общей стоимости всех товаров, находящихся в обращении, которое должно быть постоянной величиной, равной денежному эталону стоимости. При изменении общей товарной массы размеры денежной массы должны корректироваться таким образом, чтобы их соотношение не изменялось. Сегодня к сформулированному в начале XX в. уравнению нужно сделать лишь небольшую поправку на имеющийся объем инвестиций, т.е. от общей суммы денег, находящихся в обращении, необходимо вычесть общий размер инвестиций, направленных в реальный сектор экономики. А.В. Рыбаков показывает, что в XX в. экономические кризисы в значительной мере были связаны с наличием избыточной массы денег – торговля не успевала за производством [7]. В первой главе мы отметили, что Фридман пытался решить эту проблему с помощью отмены Бреттон-Вудской системы и введения плавающих курсов валют, однако вопреки его предсказаниям, уровень мировой торговли не вырос в два раза. Рыбаков говорит о мировых войнах и гонке вооружений как об эффективном способе «сжигания лишних денег», правда, больше напоминающим древний способ лечения больного кровопусканием.

В 2008 году мировой ВВП составил 62,25 трлн. долл., в том числе ВВП США – 14,29 трлн. долл., а лишних денег оказалось порядка 350 трлн. долл. [7]. Значительный толчок кризису дал и дефицит торгового баланса США.

«Однако главная причина кризисов кроется в другом. Собственно *природа капитала через получение прибыли, которая накапливается в огромных объемах, и является причиной кризисов.* Если ВВП США, как уже ранее отмечалось, в прошлом году составил 14,29 триллионов долларов, то консолидированная прибыль - 1,5 триллиона. Это - только задекларировано. Ввиду использования оффшорных схем для оптимизации налогов крупными компаниями (по оценкам американских экспертов, 83 лучшие национальные корпорации США, включая Citibank и Morgan Stanley), в оффшорах сейчас накоплено 11,5 триллиона долларов. По экспертным оценкам реальный суммарный доход США за 2008 год как минимум вдвое больше, то есть составляет где-то около 3 триллионов долларов. Можно также утверждать, что в США каждый год прибыль растет примерно на 20%. Еще один факт. Услуги в США растут в среднем на 5%, а товарное производство лишь на 1%. Таким образом, все больше углубляется дальнейший разрыв между стоимостью товаров и общей суммой денег. Если сравнить годовые объемы товарного производства в США с реальными доходами, станет понятной схема накопления огромных запасов денег. Доллары США в этой схеме - такой же товар, только чрезвычайно прибыльный и очень ликвидный» [7]. Поэтому попытка G20, а особенно США, выйти из кризиса путем выделения денег на поддержку банковской системы метко определена Рыбаковым как попытка тушить пожар бензином.

Но многократное превышение денежной массой объемов реального производства – не единственный симптом отрыва стоимости от потребительной стоимости. О нем свидетельствуют такие явления, как, например, goodwill, или ценные бумаги, не имеющие реального физического наполнения и не привязанные к материальному производству, искусственно раздутые котировки акций, валютные спекуляции и пр. Особо выделим так называемые «фантомные деньги» и виртуальные деньги. «*Фантомные деньги*» – это кредитные деньги, выпускаемые частными банками, имеющими лицензию на эмиссию. Так, в 90-х гг. Американская резервная

система печатала лишь 8% находящихся в обороте долларов, остальная масса денег эмитировалась частными банками. «Однако при этом процент резервного обеспечения выпущенных в банках кредитных денег весьма низок – порядка 3 – 4%. Так возникает масса «фантомных денег», которые, в случае затребования их кредиторами (или вкладчиками), не могут быть выплачены. Может ли возникнуть такая ситуация массового затребования?» [11, с. 14]. Если данная ситуация случится и финансовый коллапс произойдет, он намного затмит времена Великой депрессии, считает Хорос.

От «фантомных денег» следует отличать *виртуальные деньги*. Чаще всего понятие виртуальных денег используется как синоним *электронных денег* – денежных обязательств эмитента в электронном виде, которые находятся на электронном носителе в распоряжении пользователя [4]. Такие денежные обязательства соответствуют следующим трем критериям: они фиксируются и хранятся на электронном носителе; выпускаются эмитентом при получении от иных лиц денежных средств в объёме не меньшем, чем эмитированная денежная стоимость; принимаются, как средство платежа другими (помимо эмитента) организациями. Однако в литературе встречается и более широкое понимание. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов связывают виртуальные деньги с фиктивным капиталом и превратным сектором экономики. Так, до 80% транзакций, обслуживаемых деньгами, связано с движением не товаров и услуг, а фиктивного капитала, денежных агрегатов и суррогатов [2, с. 142]. Имеющий информационные технологии в качестве своей материальной базы и корпоративно-сетевой рынок в качестве пространства «обитания», виртуальный капитал сегодня не только оторвался от реального и вырвался на простор финансовых спекуляций, но и стал определять место и роль реальных денег. «Виртуальность денег в данном случае означает их *вероятностное*, неустойчивое, случайное бытие» [2, с. 143].

Деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме. Из всеобщего эквивалента, сращенного с устойчивой

натуральной формой, они превращаются в «аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуального капитала». Они играют роль меры стоимости, средства обмена и накопления лишь вероятно. В отличие от фиктивного капитала XIX в., современный *виртуальный капитал* является глобальной виртуальной сетью, единой во всех своих звеньях, функционирующей по определению стихийно и потому неподконтрольной национальным и наднациональным структурам. Он приватизирован ограниченным кругом частных лиц, но при этом и им не подконтролен; играет роль нео-денег – универсального регулятора и всеобщего эквивалента на корпоративно-сетевом рынке, роль «сети сетей», делая систему цен, трансакций, сбережений и пр. зависимой от себя. Как следствие, виртуальный капитал обладает качеством виртуального же самовозрастания. Именно в форме виртуального капитал достигает, наконец, своего «идеала» – уничтожения пространства с помощью наивысшей скорости обращения и, как было показано Марксом, приближает этим свой неизбежный конец.

Описанные явления, иллюстрирующие процессы отделения стоимости от потребительной стоимости, выражают *глубинные архитектурные сдвиги*, совершающиеся в самой сущности общества. В наше время происходит предсказанное еще Марксом *вырождение товарного стоимостного отношения*. Маркс заметил этот ставший сегодня масштабным процесс по некоторым его проявлениям: разрушение значительной части капитала в период кризисов, отрицание капитала на его собственной основе в виде акционерных обществ и непосредственно – в форме кооперативных фабрик рабочих, вырождение непосредственной зависимости произведенного богатства от рабочего времени и количества затраченного труда как субстанции стоимости.

«... Полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства» [5, с. 212 – 213]. Труд в его непосредственной форме перестает быть источником

богатства, рабочее время – мерой богатства, а, следовательно, меновая стоимость – мерой потребительной стоимости. О вырождении товарной стоимости говорит также стремительное сокращение времени производства и времени обращения («бизнес со скоростью мысли», по Б. Гейтсу). Вырождение стоимостного отношения приводит к существенным сдвигам в жизни общества – поскольку прибавочный труд возрастает настолько, что капитал оказывается не в силах его реализовать, рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд, а значит, их свободное время перестанет существовать в антагонистической для них форме.

«Этот процесс вырождения стоимостного отношения, стоимости как субстанции товарного производства, капитала как субстанции капитализма и составляет третий и главный, глубинный сценарий перехода от капитализма к коммунистической формации... Этот действительный сценарий... составляет внутреннее содержание и глубинный смысл «первого» и «второго» сценариев» [6, с. 212]. Как отметили теоретики разных направлений: С. Ароновиц и В.Д. Фазио в книге «Безработное будущее», Ж. Ривкин в «Конце работы», Б. Шерман и Ф. Жадкинс в «Праве на работу» – *«мы являемся сегодня наблюдателями предсказанного Марксом вытеснения живого труда машинами и фатального крушения стоимостного отношения»* [12]. Только в связи с фундаментальным процессом вырождения стоимостного отношения становится понятен полный смысл положения Маркса о том, что за пределами известного пункта развитие производительных сил становится для капитала преградой; следовательно, – капиталистические отношения становятся преградой для развития производительных сил труда.

Однако поскольку субстанцией стоимости является труд, размывание стоимостного отношения должно быть порождено столь же масштабными тектоническими сдвигами в характере труда. Действительно, появление *всеобщего (научного, в смысле онаученного, высоко насыщенного наукой) труда, первой формой которого выступает автоматизированный труд,*

знаменует собой разрушение пропорциональности вещественного и стоимостного богатства, потребительной стоимости и стоимости, поскольку размеры материального богатства перестают зависеть от порций абстрактного (усредненного) труда, измеряемого необходимым рабочим временем.

Существенные изменения в характере труда, на уровне явления, были отмечены и постиндустриалистами. Исследуя профессиональный план, они предсказывают резкое изменение трудовых отношений, управления персоналом, трудового законодательства и рынка труда. Тоффлеры замечают: «Такое глубинное основание экономики, как труд, меняется гораздо радикальнее, чем когда-либо прежде со времен индустриальной революции» [10, с. 46]. Они указывают на большие трудности интеграции современного сложного высокоспециализированного труда – особенно в рамках инновационно-конкурентной экономики. «Инновации, приводящие к прорыву в отрасли, часто оказываются результатом создания временной группы, в которой объединяются специалисты самых разных специальностей, способные выходить за границы между отдельными дисциплинами» [10, с. 47]. По сути, отсюда следует, что в труде происходят революционные процессы, *изоморфные* тенденциям развития современной науки: диалектизации и интеграции науки, междисциплинарному движению с целью выработки общей теории развития – общей теории систем, кибернетики, синергетики и пр. На первый взгляд, может показаться, что огромная роль ультраспециализации научных исследований, их последующей интеграции и, особенно, системного и междисциплинарного подхода *определяет* характер труда. Признание науки (духовной по содержанию сферы) определяющим фактором развития современного общества вообще весьма характерно для теоретиков постиндустриализма. К примеру, Тоффлер пишет: «Сегодня важнейшим в развитии экономики стало возвышение новой системы создания материальных ценностей, основанной уже не на мускульной силе, но на силе интеллекта» [9, с. 29].

Однако уже в «Экономических рукописях», говоря о коллапсе античного и феодального обществ, Маркс отмечал, что уже одного развития науки – т.е. наиболее основательной формы богатства – было бы достаточно для разложения этих обществ. «Но *развитие науки*, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает *развитие производительных сил человека*, т.е. развитие богатства.

Если рассматривать вопрос *идеально*, то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху. Реально же этот предел сознания соответствует определенной *ступени развития материальных производительных сил*, а поэтому – богатства. Разумеется, развитие имело место не только на старом базисе, но являлось *развитием самого этого базиса*» [5, с. 33].

Всеобщий труд как новая историческая форма труда и реальный базис нового общества представляет собой применение знаний, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. Технологической характеристикой этого труда служит его определение как *автоматизированного* труда, в котором человек из непосредственного участника производственного процесса превращается в его контролера и регулировщика. В глубинном философском аспекте всеобщий труд характеризуется как проявление всеобщих творческих сущностных сил человека, а главным источником общественного богатства становится вовлечение в производство все более мощных, глубоких и масштабных сил природы.

Первой предпосылкой истории, по Марксу, являются *живые человеческие индивиды*. Его социально-философская и экономическая парадигма основывается на действительно схваченной субстанции общества – *родовой и индивидуальной человеческой сущности*. Последовательное развертывание человеческой сущности как *производства человеком самого себя, другого человека и условий существования* – вглубь и вовне себя

воплощается в едином закономерном историческом процессе, поступательной смене формаций. Субстанциальная концепция конкретизируется через *трудовую парадигму*, рассматривающую материальный труд, важнейшую сущностную силу человека как, в конечном счете, определяющий фактор развития общества.

Чтобы иметь возможность думать, творить, производить, человек должен сначала жить, то есть иметь необходимые простейшие средства существования – еду, питье, одежду, жилище и пр. – которые он, в отличие от животных, не находит готовыми в природе, а вынужден создавать сам. Труд выступает как осознанная деятельность, но сознание несубстанциально, т.к. будучи высшей формой отражения, оно нуждается в материальном субстрате-носителе этого свойства и в материальной реальности, которую можно отражать. Индивидуальное сознание, будучи «заброшенным в мир», всегда оказывается в определенных предзаданных ему условиях, выбирать которые не может. Общественное сознание никогда не охватывает эти условия и их последствия целиком, поскольку представленная материальными отношениями их часть складывается, не проходя через сознание каждого индивида. Однако труд определяет общественную жизнь лишь в конечном счете, в ближайшем же, непосредственном плане, каждый человек руководствуется определенными мыслями, совершая каждый свой поступок. Поэтому *мощная философская абстракция материального труда* подразумевает два плана. В широком смысле понятие материального труда включает также систему производственных, экономических отношений, важнейшим из которых является *собственность*. С этих позиций параллель коллективный труд – коллективная собственность (первобытное общество); частный труд – частная собственность (рабовладение, феодализм, капитализм) логично приводит к заключению: всеобщий труд – общественная собственность. Эта тенденция уже достаточно проявилась в возрастании размеров и роли государственной собственности в развитых

постиндустриальных странах – до 42 – 45% во Франции и Германии, 65% в Швеции и Австрии, 70% в Финляндии [6, с. 230].

Кроме того, наивно было бы думать, что постанова под контроль всеобщего труда мощнейших сил природы (в ближайшем будущем, это, очевидно, космические проекты и освоение глубокого микромира) может происходить в условиях господства частной собственности. Особую роль в этой связи играет высшая форма, квинтэссенция, всеобщего труда – компьютерный труд. Порождаемые им социальные последствия, которые получают широкое развитие в обозримом будущем: развитие непосредственно общественного характера труда, необходимость компьютеризированного стратегического планирования, ведущая роль информационно-коммуникационных технологий и фундаментальных и прикладных наук в развитии общества и др. – требуют крупной общественной собственности для полной реализации своего потенциала.

Список литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: «Academia», 1999. – 956 с.
2. Бuzгалин А.В. Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи / А.В. Бuzгалин, А.И. Колганов // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с. 136 – 156.
3. Гриценко В.С. Теория постиндустриального общества в современной зарубежной науке. Материалы к курсам соц. философии и философии экономики. Пермь, Перм. гос. ун-т, 2010. – 204 с.
4. Директива 2000/46/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС, Статья 1 // <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0046:EN:HTML> (дата обращения: 07.11.2010)
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 2. – 618 с.

6. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. – Пермь: ПГУ, 2006. – 266 с.
7. Рыбаков А.В. Мировой экономический кризис: причины мнимые и реальные // www.mai.ru/events/sfiro/articles/sec2/rybakov.doc (дата обращения: 22.11.2010).
8. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М., 1999. – 262 с.
9. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.
10. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 569 с.
11. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир – ожидания и реальность (к постановке проблемы) // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с. 10 – 24.
12. Dyer-Witheford N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism // <http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyerwitheford/index.htm> (дата обращения: 14.07.2009).
13. Greig A., Hulme D., Turner M. Challenging global inequality: development theory and practice in the 21 century. – London-New York-Canberra, 2007. – 296 p.